

Лукаш Ив. «Три сестры». На премьере Русской
Драмы // Слово (Рига). 1928. 6 октября. № 290.
С. 3.

„Три сестры“.

На премьеръ Русской Драмъ.

Полное, глубокое дыханіе зала.

Театръ такъ полонъ, когда дѣйствіе на сценѣ—тихимъ огнемъ перекидывается въ зрительный залъ, когда актеръ чувствуетъ горячее и сильное дыханіе зрителя, когда весь театръ величественно дышитъ, точно одинъ громадный и, можетъ быть, божественный органъ...

Прекрасный спектакль.

«Три сестры», теперь, черезъ годы разгрома и разрушенія,—мы понимаемъ, мы видимъ, что «Три сестры»—русское сердце, сама Россія,—изумительно-чуткая, изумительно благородная, ищущая, провидящая страданія и странничество и невыносимую трагедію свою.—сама благородная Россія, смытая и растоптанная теперь торжествующей хамкой, пошлымъ животнымъ,—этой невѣстой русскаго интеллигента—въ платьѣ, розовомъ, какъ сукровица, разстрѣленныхъ, хамкой побѣдившей—потомъ и его, и трехъ сестеръ...

Когда Чеховъ писалъ Тузенбаха, Федотика, Года, Вершинина, даже Прозорова, даже Кулыгина, даже Соленого, похожаго на Лермонтова,

даже старата доктора,—когда писалъ ихъ Чеховъ,—они были живые люди, они дышали, ходили; они были лицомъ Россіи...

И теперь, черезъ годы разрушенія и разгрома, мы видимъ какой романтически-благородной, какой рыцарской, изумительно-красивой, небывало-мягкой, истекающей любовью, красотой, тоской по прекрасному на землѣ была эта потерянная, эта развращенная, растоптанная теперь Россія. Да, они все томится, чужая темную бурю, шагающую смерть. Да, они бьются, задыхаются, стонутъ... Теперь понятно, почему они или мучаются, или безсильно опускаютъ руки: они чували, что ихъ, мягкихъ русскихъ рыцарей, Донъ-Кихотовъ московскихъ,—сбросить, затопчетъ хамъ, что вытопчетъ имъ и ихъ сестрамъ каблуками прекрасные, русскіе глаза...

И имъ-ли, тоскующимъ по небу въ алмазахъ, по благородному человечеству,—имъ-ли было побѣдить хамъ...

Они уступили, они погибли, какъ Прозоровъ и эти предатели Трехъ сестеръ...

Не русская женщина, а русскій мужчина—виновникъ русскаго разрушенія,

О «Трехъ сестрахъ»—надобно писать, говорить, не въ такой короткой замѣткѣ...

«Три сестры»—такая же вѣчная русская драма, какъ «Ревизоръ» Гоголя...

Въ наши отвѣтственные дни—русскій театръ отвѣтственъ всего. «Три сестры» въ Русской Драмѣ,—громадная побѣда нашего театра.

Благородно-проста, сдержанна и вѣрна, до слезъ, постановка новаго режиссера Драмъ—Р. А. Унгерна.

Ведринская, Жихарева, Полевицкая—три сестры.

Какъ въ «Трехъ сестрахъ» похорошѣли, поплѣнѣли, Ведринская, Жихарева и Полевицкая. Онѣ точно озарены тихимъ свѣтомъ. Чеховскій тонъ,—трепетную мягкость, едва уловимую дымку,—онѣ принесли, онѣ отдали намъ полно и прекрасно. Голосъ Жихаревой, ломкій, трагически-женственный, голосъ русской святой, сияющей чистотой,—теперь уже не забыть никогда.

Можетъ быть чуть излишне темна, чуть излишне жесткой была Полевицкая.

Штенгель—создала громадный, отчаянный образъ хамки, блѣзубой, смѣющейся, блѣдой похотливой страшной бабны-хамки... Такая дѣйствительно сатанѣ; сметать трехъ бѣдныхъ сестеръ.

Юровскій—сдержанный, новый Юровскій, без-

вольно-мягкій,—прохладная и томительная трясина русской души, туманный...

Вотъ онъ, русскій интеллигентъ, вотъ онъ, страдающій предатель трехъ сестеръ.

Конечно—Яковлевъ. Прекрасный актеръ. Скопировать его,—всегда и во всемъ,—полнота удовольствія. Его Кулыгинъ, блѣбрысый, съ темными, ищущими и пустыми глазами подъ стеклами очковъ—новый и вѣрный Кулыгинъ русской сцены.

Вѣрнѣ и крѣпче Соленый у Астарова, Федотикъ у Токаревича, Вершининъ, сѣдой нашъ рыцарь у Булатова—чуть потускнѣлъ и чуть дребезжалъ... Чуть отлетѣла обаятельность полковника Вершинина.

Тереховъ,—былъ милъ, но Тереховъ забытъ, что баронъ Тузенбахъ—баринъ, потому-то онъ и говоритъ о трудѣ. Изящнаго, сдержаннаго барина Тереховъ не далъ. Слабоватъ, какъ-то «несимпатиченъ» былъ Чебутыкинъ у Де-Буръ...

Но это детали, это мелочи. И говоримъ о нихъ только потому, что знаемъ, какъ они не существенны...

Спектакль блестящій, полный, побѣдный.

«Три сестры», три милыхъ московскихъ сестеръ трагическія и прекрасныя во всемъ своей ростъ снова встали на русской сценѣ...

Ив. Лукашъ.